

VII 20/3

ЕНИСЕЙСКАЯ ЕПАРХИАЛЬНАЯ ВЪДОЖОСТИ.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ: 1-го и 15 числа.

ПОДПИСКА принимается въ редак-
ціи: Гостинская ул., д. бывшій Сере-
бrenиковой.

Ц Ъ Н А годовому изданію съ
доставкою и пересылкою 6 руб.

1911 года.

№ 1.

1 января.

Содержаніе. Отдѣлъ officialный: Отъ Енис. Епарх. Учил. Со-
вѣта.—Отчетъ Братства (Продолженіе).—Расписаніе очередныхъ проповѣдей въ
Каедр. соборѣ.—

Отдѣлъ неофициальный: Церковь и Л. Толстой.—Эрнестъ Ре-
нанъ (Продолженіе).—Хр. Соболева.—† Первый игуменъ Кр. Знам. Скита, о. Фи-
ларетъ,—іер. Митрофана.—Слово при погребеніи о. Филарета.—свщ. Торопова.
—Открытое письмо учащимъ ц. п. школь,— Ин. Орфеева.—Корреспонденція,—
псал. А. Быстрова.

Объявленія о журналахъ.

О Т Д Ъ Л Ь О Ф Ф И Ц И А Л Ь Н Ы Й.

Отъ Енисейскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Енисейскій Епархіальный Училищный Совѣтъ просить о. о.
Завѣдующихъ церковно-приходскими школами Енисейской епархіи
сообщить въ Енисейскій Епархіальный Училищный Совѣтъ въ началѣ
января 1911 года свѣдѣнія о числѣ учащихся (мальчиковъ и
дѣвочекъ въ отдѣльности) въ завѣдуемыхъ ими церковно-
приходскихъ школахъ въ началѣ 1910—1911 учебнаго года и къ
1 января 1911 года.

О Т Ч Е Т Ъ

о дѣятельности Совѣта Енисейскаго Епархіальнаго Братства Рождества Пресвятыя Богородицы
съ 8 сентября 1909 года по 8 сентября 1910 года.

(Продолженіе).

Б.) Дѣятельность Совѣта Братства въ отношеніи къ сектантамъ.

1. Состояніе сектантства.

Сектантствомъ особенно заражены слѣдующіе пункты: г. Красноярскъ, села: Устюжское, Шилинское, Арейское и Подъемское Красн. у.; гор. Канскъ, приходы: Каптыревскій, Субботинскій, Салбинскій, Шеломовскій, Дѣтловскій, Анашенскій, Имисскій, Шушенскій и дер. Іудина Аскизскаго прихода. Всѣхъ сектантовъ въ означенныхъ пунктахъ насчитывается не менѣе четырехъ тысячъ. Въ одной д. Іудиной сектантовъ насчитывается 1932 человѣка (1410 ч. субботниковъ и 522 ч. молоканъ). Главную массу сектантскаго населенія въ Енисейской епархіи составляютъ штундо-баптисты, субботники (іеговисты) и молокане; есть іоанниты, толстовцы и хлысты.

Секта штундо-баптизма.

Секта штундо-баптизма въ Енисейской епархіи, какъ и вообще въ русской Церкви, является самою опасною. Быстро она растетъ, послѣдователи ея увеличиваются на счетъ членовъ истинной Церкви. Они употребляютъ всевозможные приемы и средства для пропаганды своего лжеученія. Вотъ обычные приемы, къ которымъ они прибѣгаютъ:

1) Во-первыхъ, они устраиваютъ торжественныя молитвенныя собранія съ дозволеніемъ присутствовать на нихъ и православнымъ. Существенную часть такихъ собраній баптистовъ составляетъ проповѣдь, въ которой сектантскій проповѣдникъ не упускаетъ случая въ присутствіи православныхъ критиковать

вѣроученіе Православной Церкви. Съ внѣшней стороны проповѣди сектантскихъ проповѣдниковъ привлекательны для публики тѣмъ, что произносятся на общедоступномъ для простонародья языкѣ съ вдохновеніемъ и убѣжденностью; онѣ не сложны по содержанію, но сильны по выразительности. Еще въ нихъ есть одна черта, которая особенно заинтересовываетъ публику,—это мистическій ихъ элементъ: проповѣдникъ, иногда среди проповѣди и всегда въ концѣ, принимая молитвенную позу, произносить велухъ какую-либо импровизированную молитву, иногда со слезами на глазахъ, прося Бога вразумить слушателей, „возгрѣть сердца ихъ любовью къ Богу и желаніемъ идти въ жизни путемъ, указаннымъ въ Евангеліи“.

2) Во-вторыхъ, свои богослуженія сектанты-баптисты не дурно обставляютъ и со стороны вокальной: у Красноярскихъ, напр., баптистовъ существуетъ довольно порядочный хоръ, состоящій изъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Исполненіе хоромъ различныхъ пѣснопѣній изъ сборниковъ не мало интересуеетъ собирающуюся на моленія православную публику.

3) Въ цѣляхъ пропаганды баптисты торжественно обставляютъ, съ предварительною широкою огласкою, крещеніе своихъ членовъ. Крещеніе обычно совершается по воскреснымъ днямъ на рѣкѣ и на прудѣ.

4) Одинъ изъ распространенныхъ способовъ пропаганды своихъ лжеученій у баптистовъ—это ихъ частыя бесѣды съ православными, при всѣхъ случайныхъ встрѣчахъ, когда малосвѣдущій въ своемъ вѣроученіи православный оказывается положительно въ тискахъ у баптиста, умѣло представляющаго предъ нимъ тексты Священнаго Писанія въ доказательство того или другого спорнаго вопроса.

5) Но особенно прельщаютъ баптисты православныхъ своими лукавыми и обольстительными рѣчами о томъ будто-бы нравственномъ перерожденіи, которое они, баптисты, переживаютъ, перейдя изъ Православія въ баптизмъ. „Цѣлые годы, полжизни, говорятъ

баптисты, мы были совершенно слѣпы въ дѣлѣ вѣры и пониманія своихъ обязанностей къ Богу и своимъ ближнимъ братьямъ; мы слышали въ храмахъ часто произносимое достопоклоняемое имя Христа, но не знали того, что Христосъ сдѣлалъ для насъ, грѣшныхъ и несчастныхъ людей, и въ чемъ состоитъ наша вѣра. Мы часто ходили въ православные храмы, становились впереди всѣхъ, поближе къ священникамъ, чтобы слушать ихъ проповѣди и лучше понимать; мы внимательно вслушивались въ чтеніе, пѣніе, молитвы, возгласы и поученія пастырей, но ничего не понимали по причинѣ трудности церковно-славянскаго языка и рѣчей проповѣдниковъ, наполненныхъ славянскими, для насъ непонятными, текстами и отрывочными изреченіями; намъ мѣшали слушать и понимать при совершеніи богослуженія шумъ и разговоры въ церкви взрослыхъ, постоянные входы и выходы людей, стукъ дверей, хожденіе по храму сборщиковъ денегъ, церковныхъ сторожей и крики дѣтей, заставлявшіе насъ уходить преждевременно изъ церкви, а потомъ и вовсе не ходить. Мы худо жили, пьянствовали, лѣнились работать, воровали, лгали, обманывали, ссорились, ненавидѣли, мстили, злобствовали, словомъ—были погибшія заблудшія овцы, не имѣвшія пастыря, а главное—вѣры и надежды на лучшее будущее. Теперь не то: мы стоимъ на истинномъ пути. Мы знаемъ и вѣримъ, что мы Спасителемъ нашимъ духовно возрождены и спасены для вѣчной жизни. Для руководства въ жизни настоящей намъ дано слово Божіе, слушая, читая и понимая которое, мы исполнялись мира и высокой радости, прежнюю грѣховную жизнь, т. е., ветхаго человѣка, оставили, облекшись въ новую, старались, силились не грѣшить не только дѣломъ и словомъ, но и мыслью, что намъ и удастся, Богу содѣйствующу; если согрѣшаемъ, то, раскаиваясь предъ Единымъ Господомъ, а не предъ какимъ либо человѣкомъ, надѣемся получить прощеніе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РАСПИСАНІЕ,

составленное въ Енисейской Духовной Консистоіи на произношеніе въ 1911 году въ градо-Красноярскомъ Кафедральномъ соборѣ очередного проповѣданія священнослужителями городскихъ церквей въ воскресные, праздничные и высокоторжественные дни.

(Продолженіе).

8	Апрѣля. 3.	Недѣля Ваѣй, Входъ Господень въ Іерусалимъ.	Священнику Василію Фигуровскому.
9.	8.	Пятвица, Страстная Седмица (на вечернѣ).	Священнику Сергію Миловскому.
10.	10.	Свѣтлое Христово Воскресеніе.	Священн. Иннокентію Орфееву.
11.	23.	Тезоименитство Ея Императорскаго Величества, Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.	Протоіерею Михаилу Лотоцкому.
12.	Мая. 6.	Рожденіе Его Императорскаго Величества, Государя Императора Николая Александровича.	Протоіерею Дмитрію Вологодскому.
13.	9.	Перенесеніе мощей Святителя Николая Чудотворца.	Священнику Михаилу Покровскому.
14.	14.	Коропованіе и Священнѣйшее Мүропомазаніе Ихъ Императорскихъ Величествъ, Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.	Протоіерею Варсонофію Захарову.

	Мая.		
15.	19.	Вознесеніе Господне.	Протоіерею Николаю Асташевскому.
16.	25.	Рожденіе Ея Императорскаго Величества, Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.	Священнику Иннокентію Орфеву.
17.	29.	Пятидесятница (день Св. Троицы).	Протоіерею Алексію Солодчину.
18.	Юня. 29.	Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла.	Священнику Николаю Смиренскому.
19.	Юля. 22.	Тезоименитства Ея Императорскаго Величества, Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Великихъ Княгинь: Маріи Николаевны, Маріи Павловны, Маріи Александровны и Маріи Георгіевны.	Священнику Ѳеодору Купрессову.
20.	30.	Рожденіе Его Императорскаго Высочества, Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича.	Священнику Василию Тюшнякову.
21.	Августа 1.	Происхожденіе древъ Честнаго Животворящаго Креста Господня.	Священнику Иннокентію Подгорбунскому.
22.	6.	Преображеніе Господне.	Протоіерею Гавріилу Асташевскому.
23.	15.	Успеніе Пресвятыя Богородицы.	Протоіерею Дмитрію Вологодскому.

24.	Августа.	Усѣкновеніе Главы Святаго Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Іоанна.	Протоіерею Іоанну Рязанскому.
	29.		
25.	Сентября.	Рождество Пресвятыя Богородицы.	Священнику Василію Фигуровскому.
	8.		
26.	14.	Воздвиженіе Честнаго Животворящаго Креста Господня.	Священнику Николаю Смиренскому.
27.	26.	Преставленіе Святаго Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова.	Священнику Інокентію Орфееву.
	Октября.		
28.	1.	Покровъ Пресвятыя Богородицы.	Священнику Петру Черкасову.
29.	5.	Тезоименитство Его Императорскаго Высочества, Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича.	Священнику Сергію Миловскому.
30.	17.	День избавленія Императорской Семьи отъ опасности въ 1888 году и объявленія Высочайшаго Манифеста о свободѣ въ 1905 году.	Протоіерею Варсонофію Захарову.
31.	21.	Восшествіе на престоль Его Императорскаго Величества, Государя Императора Николая Александровича.	Священнику Василію Тюшнякову.
32.	22.	Празднованіе Чудотворному образу Пресвятыя Богородицы Казанскія.	Протоіерею Алексію Солодчину.

33.	Ноября. 14.	Рожденіе Ея Императорскаго Величества, Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.	Священнику Николаю Смиренскому.
34.	21.	Введеніе во храмъ Пресвятыя Богородицы.	Священнику Михаилу Покровскому.
35.	26.	День Святителя Инокентія Иркутскаго.	Священнику Николаю Климовскому.
36.	Декабря. 6.	День Святителя и Чудотворца Николая и Тезоименитство Его Императорскаго Величества, Государя Императора Николая Александровича и Великихъ Князей: Николая Константиновича и Николая Михайловича.	Священнику Ѳеодору Купрессову.
37.	25.	Рождество Господа Нашего Иисуса Христа.	Священнику Петру Черкасову.

При семь №-рѣ рассылаются журналы 40-го съѣзда.
№ № 68—100.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Церковь и Левъ Толстой.

Умеръ Л. Н. Толстой, умеръ не примиреннымъ съ церковью, а потому и погребенъ былъ безъ церковныхъ обрядовъ. Это послѣднее обстоятельство дало поводъ всякаго рода газетнымъ писакамъ выпустить цѣлый ворохъ ругани по адресу пастырей и архипастырей нашей церкви. Писаки эти, въ озлобленіи своемъ, забыли, что для примиренія къ одру больного Л. Н. призвали и старцы, и іерархъ церкви православной, ѣхали за сотни и тысячи верстъ, присылали ему телеграммы, «умоляющія» его примириться,—и все напрасно. Телеграмму ему не передали, приѣхавшихъ не допустили. Что же больше могли сдѣлать предстоятели, церкви, и кто теперь повиненъ въ гибели души, можетъ быть и тосковавшей въ разлукѣ съ церковію, можетъ быть и жаждавшей прощенія и примиренія. Такъ, по крайней мѣрѣ, думалось съ самаго начала при хладнокровномъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ внезапнаго исчезновенія Л. Н. и его бѣгства по землѣ родной безъ строго опредѣленной цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, нужно вникнуть и понять всю трагедію послѣднихъ дней жизни Л. Н. Старикъ 82 лѣтъ, всю жизнь прожившій въ родномъ домѣ, окруженный всѣми удобствами жизни, окруженный семьею и женою, съ которою прожилъ 48 лѣтъ, постоянно окруженный посѣтителями изъ всѣхъ странъ земного шара, посѣтителями, ловящими каждое его слово и постоянно напѣвающими ему въ уши лестивыя слова: ты нашъ учитель, ты нашъ апостолъ и т. п., и такой то старецъ вдругъ, въ глухую осеннюю ночь, тайно отъ семьи, уходитъ изъ родного дома, прося письменно не искать его, ибо онъ уже болѣе въ свой домъ не вернется. Что это такое?

Развѣ это нормально? Развѣ одно это, безъ всего вскорѣ случившагося, не свидѣтельствуетъ о страшной трагедіи, разыгрывавшейся, очевидно, долго въ душѣ человѣка и наконецъ завершившейся такимъ небывалымъ фактомъ.

Онъ умеръ, но укрыться отъ людей ему не удалось. Газетные агенты на другой же день открыли, куда онъ направилъ путь свой и въ своей близорукости завопили: Онъ пошелъ въ міръ, спасать міръ, учить міръ, какъ жить и т. д. Однако обстоятельства скоро выяснили истинную причину и настоящую цѣль бѣгства того, кто, по слову Св. Писанія, бѣгаетъ: «ни единому же гонящу».

Припомнимъ всѣ событія по порядку времени ихъ происшествія. Уѣхавъ изъ дома 28 октября, рано утромъ, Л. Н. въ тотъ же день былъ въ Оптиной пустыни, а затѣмъ въ Шамординой-Амвросіевской обители, тоже Калужской губерніи. Тамъ, по-видавшись съ родною сестрою, монахинею, пробылъ день. Затѣмъ, поѣхалъ по желѣзной дорогѣ, скрывая конечную цѣль своего путешествія, но отѣхавши около 200 верстъ отъ г. Козельска, по Данково-Смоленской ж. д., почувствовалъ себя нездоровымъ и 31 октября сошелъ на ст. Астапово, гдѣ 7 ноября въ 6 ч. 5 м. утра и скончался отъ воспаленія легкихъ. Таковъ ходъ сихъ событій. Здѣсь прежде всего представлялось непонятнымъ: зачѣмъ Л. Н. поѣхалъ въ Оптину пустынь? Въ Шамордину онъ могъ ѣхать для свиданія съ сестрою, которую онъ любилъ. Но въ Шамордину пустынь со ст. Козельскъ можно проѣхать, не заѣзжая въ Оптину пустынь. Зачѣмъ же ему, отлученному отъ церкви, кощуннику и насмѣшнику надъ Церковью, монастырями и монахами, зачѣмъ ему понадобилось заѣхать въ эту тихую обитель? Не затѣмъ же только, какъ въ то время оглашено въ газетахъ, чтобы испытать гостинника-монаха, примутъ ли его въ гостиницу и затѣмъ расписаться въ книгѣ, что онъ былъ и благодарить за пріемъ. Это черезъ-чуръ мелко для Толстого.

И дѣйствительно теперь вполне раскрыта истинная цѣль бѣгства Л. Н. изъ своего дома и сокровенная цѣль посѣщенія имъ

прежде всего Оптиной пустыни. Все это ясно изложено въ письмѣ престарѣлаго инока сей обители Эраста, помѣщенномъ въ газетѣ Колоколъ. Оказывается, что, пріѣхавъ въ Оптину пустынь, Л. Н. переночевалъ, долго бесѣдовалъ съ монахомъ-гостинникомъ, спрашивая его: кто игумень, кто старцы и живъ ли старецъ Іосифъ. На другой день долго ходилъ по сосновому бору около скита, доходя до воротъ его, но въ скитъ не входилъ и затѣмъ уѣхалъ въ Шамордину пустынь. Тамъ, увидавъ сестру, облобызалъ ее и долго рыдалъ на груди ея. Въ бесѣдѣ заговорилъ о скорой своей смерти, въ виду преклонности его возраста, позавидовалъ жизни ея и оптинскихъ старцевъ, добавивъ, что онъ съ великимъ наслажденіемъ поселился бы въ обители, надѣлъ подрясникъ и исполнялъ бы самыя трудныя работы. «Такъ что же мѣшаетъ тебѣ такъ поступить», сказала сестра? На это послѣдовалъ такой многозначительный отвѣтъ: „Вѣдь ты знаешь, что я отлученъ, что всякій, проходя мимо меня, крестится, и я боюсь, что старцы меня не примутъ“. Далѣе инокъ пишетъ, что Л. Н. былъ очень возбужденъ; когда обѣдалъ, то всѣ кушанья смѣшалъ вмѣстѣ и ѣлъ. Потомъ сидѣлъ долго, задумавшись, когда наконецъ ему уже сказали, что обѣдъ оконченъ. Потомъ онъ ходилъ по находящейся вблизи обители деревнѣ, разспрашивая встрѣтившагося ему крестьянина, нельзя ли ему гдѣ найти для себя квартиру. Но скорѣ и очевидно неожиданно пріѣхала туда дочь Александра и немедленно же увезла съ собою Л. Н. Уѣзжая, она приказала ѣхать скорѣе, ибо имъ минута дорога. Дальнѣйшее выше изложено.

Приведенное сообщеніе инока Эраста проливаетъ новый свѣтъ на всѣ эти событія и трагедію бѣгства Л. Н. дѣлаетъ для насъ ясною и понятною.

Мы знаемъ, что Л. Н. обладалъ всѣмъ, что только доступно человѣку въ этой жизни. Не только физическими, но и духовными благами сей жизни онъ былъ надѣленъ въ изобиліи и все это онъ отвергъ, отъ всего этого онъ убѣжалъ. Чего же ему не доста-

вало и чего жаждала его мятежная душа? Ей недоставало мира, того мира, о которомъ взываетъ св. церковь: «Миръ подаждь ми падшему, человѣколюбче»! Онъ, обладатель большихъ богатствъ, онъ, властитель душъ и сердецъ миллионовъ людей, изъ коихъ тысячи побросали все, чтобы слѣдовать за нимъ, и онъ то поза-видовалъ кому же? Ничего не имущимъ, но *вся* содержащимъ, простымъ, почти «не книжнымъ» старцамъ, живущимъ въ уединеніи, въ глухомъ лѣсу. Онъ выразилъ желаніе жить около нихъ и исполнять всякія работы.

Что же влекло его къ нимъ и чѣмъ они могли наполнить пустоту души его? Для насъ ясно, что душа его, оторванная отъ Бога и Церкви, востокочалась по своему небесномъ отечествѣ. Она почувствовала свое „одинокство“ и потребовала возстановленія порванной связи. И онъ спѣшитъ во лечебницу духовную, въ обитель, гдѣ ведется жизнь во Христѣ, онъ несетъ свою скорбную, покаянную душу къ ногамъ поруганнаго имъ Христа. Онъ бродитъ уже около стѣнъ св. обители. Мысленно онъ уже взываетъ: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ“! и готовъ пасть къ ногамъ Его, облобызать ихъ и омочить своими слезами. Но и тутъ гордыня обуяла его, онъ боялся, что старецъ не приметъ его, а это будетъ большой ударъ его гордости. И онъ уѣхалъ къ сестрѣ. Но тамъ онъ попалъ опять въ обитель, опять тихая и мирная жизнь во Христѣ и со Христомъ. Снова душа его мятется, снова она предъявляетъ къ нему свои требованія: „Смирись, гордый человѣкъ, гордымъ Богъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать“. Онъ не скрываетъ своей душевной борьбы. Онъ не таитъ своихъ душевныхъ мукъ и съ рыданіями исповѣдуетъ свою великую скорбь своей родной сестрѣ монахинѣ. Онъ откровенно говоритъ, что его мучаетъ, что онъ отлученъ отъ церкви, и всякій отъ него отрекивается. Моментъ великій и рѣшительный. И случись это въ келіи старца, Богъ вѣсть, не окончилась ли бы эта бесѣда слезнымъ покаяніемъ. И непременно бы такъ окончилось. Ибо не для спора шелъ онъ къ старцу и не ради свѣтскаго визита и несомнѣнно, то, что

онъ сказалъ сестрѣ, готовился высказать старцу. А что онъ имѣлъ твердое и рѣшительное намѣреніе воссоединиться съ церковію, этому лучшимъ доказательствомъ служить дальнѣйшее: онъ хотѣлъ поселиться около обители. Очевидно, онъ надѣялся, живя вблизи, улучить, наконецъ, минуту для откровенной бесѣды со старцемъ. Но— Богъ судилъ иначе.

Итакъ, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ слезнаго покаянія и обращенія не совершилось, хотя душа Л. Н. повидимому, и была близка къ этому. Сего ради тѣ, кто помѣшалъ ему въ этомъ, «болій грѣхъ имутъ». И прежде всего дочь его, которая такъ торопливо увезла его изъ обители и съ умысломъ не заѣхала съ нимъ въ Оптину пустынь, хотя путь въ Козельскъ лежалъ и мимо. Будуть предъ Богомъ въ отвѣтъ и окружавшіе больного, не доложившіе ему ни телеграммы Митрополита, ни о духовныхъ особахъ. Теперь ясно, почему эти окружавшіе его такъ ревниво охраняли всякій къ нему доступъ! Они боялись, что Л. Н. не устоитъ и измѣнитъ своему ученію и покается. Вѣдь тогда для нихъ все пропало. Но все равно. Истина и теперь всплыла наружу. Ясно, что безъ Церкви и внѣ Церкви нѣтъ жизни и нѣтъ спасенія.

Б.

Эрнестъ Ренанъ и его книга „Жизнь Іисуса“.

(Критическія замѣчанія).

(Продолженіе.)

Откуда взялъ Ренанъ „такого“ Христа? На основаніи какихъ источниковъ счелъ себя въ правѣ начертать „такую“ личность, представить ее въ „такомъ“ именно освѣщеніи? Вотъ первый рядъ вопросовъ, которые сами собой рождаются въ головѣ читателя Ренановой книги. Постараемся дать отвѣтъ на эти недоумѣнные вопросы. Сдѣлать это легко, ибо самъ авторъ приходитъ намъ на помощь.

Кромѣ четырехъ каноническихъ Евангелій, откуда почерпаются обыкновенно данныя для жизнеописанія Іисуса Христа, у Ренана, по его собственному признанію, было еще „пятое евангеліе“. Этимъ пятымъ Евангеліемъ Ренанъ называетъ то молчаливое свидѣтельство о личности Христа, какое даетъ всякому природа Палестины, ея нравы и обычаи. „Я имѣлъ предъ глазами, пишетъ Ренанъ, пятое Евангеліе, хотя и состоящее изъ отрывковъ, но еще четкое. И тогда, сквозь рассказы Матѳея и Марка, вмѣсто существа отвлеченнаго, о которомъ можно сказать, что оно никогда не существовало, „я увидалъ“ удивительный образъ человѣческій, живой, движущійся. И я кратко начерталъ въ своей исторіи этотъ образъ, „который мнѣ открылся“¹⁾.

Въ представленной цитатѣ Ренанъ сознается предъ читателями, что тотъ образъ, который онъ начерталъ въ своей исторіи и который долженъ представлять живого, человѣческаго Христа, вмѣсто отвлеченнаго — Евангельскаго, взять имъ изъ тайниковъ своей собственной души, въ которой онъ ощутилъ и „открылъ“ этотъ образъ. Этотъ образъ навѣянь ему не Евангельскими разсказами, дающими никогда не существовавшаго Христа, а Палестинскою природой, ея географической обстановкой. Евангельская

¹⁾ Проф. М. Муретовъ стр. 25.

страна, лично исхоженная Ренаномъ, послужила ему своего рода „откровениемъ“.¹⁾

Такимъ образомъ Ренанъ писалъ свою „Жизнь Иисуса“ по внушенію своего собственнаго духа. Это—его личное, субъективно-творческое созданіе, исключительный продуктъ его индивидуальнаго сознанія и воли. Довѣрять такому „образу“, претендующему на званіе подлинно-историческаго образа Христа, болѣе понятнаго и живого, чѣмъ Евангельскій, начертанный „Самовидцами Слова“, нѣтъ ни логическихъ, ни психологическихъ основаній.

Приведенный выше взглядъ Ренана на каноническія Евангелія, представляющія будто-бы вмѣсто Живого Христа мертвую, никогда не существовавшую личность, показываетъ намъ, что Ренанъ относился къ Евангеліямъ „критически“, не довѣрялъ имъ, считалъ ихъ данныя менѣе достовѣрными и „четкими“, чѣмъ неясныя и отрывочныя вѣщанія мертвой Палестинской природы. Евангельскія повѣствованія, по Ренану, будучи подлинными и несомнѣнно-апостольскими, не имѣютъ, однако, за собой полной исторической достовѣрности. Они представляютъ изъ себя свѣдѣнія неполныя, сбивчивыя, разнорѣчивыя, даже легендарныя. Они—плодъ позднѣйшей, вторичной обработки первоначальныхъ, подлинно-апостольскихъ записей, преданій, несомнѣнно достовѣрныхъ воспоминаній очевидцевъ, предпринятой ближайшими, по времени, апостольскими учениками. При такомъ взглядѣ на Евангелія, Ренанъ часто, въ цѣляхъ „возстановленія Евангельской исторіи“, отдаетъ предпочтеніе предъ Евангеліями Филону, Іосифу Флавію, Ветхозавѣтнымъ Апокрифамъ и Талмуду. Въ результатѣ получается специфически характерная Ренановская „Жизнь Иисуса“, ничего общаго съ Евангеліемъ не имѣющая... Въ частности, въ каноническихъ Евангеліяхъ, по убѣжденію Ренана, много разногласій, нерѣдко прямыхъ противорѣчій, бросающихъ большую тѣнь на ихъ достовѣрность и историческій характеръ. Отмѣчая, какъ неоспоримый фактъ,

¹⁾ Проф. М. Муретовъ, стр. 25.

присутствіе въ Евангельскихъ повѣствованіяхъ этихъ разногласіи часто сбивающихся въ прямыя противорѣчія, Ренанъ въ объясненіе ихъ приводитъ оригинальное сравненіе.

Представимъ, говоритъ Ренанъ, что нѣсколько солдатъ, соратниковъ Наполеона и участниковъ его битвъ и походовъ, задумали-бы написать, каждый въ отдѣльности, жизнь Наполеона, руководствуясь своими личными воспоминаніями. Несомнѣнно, ихъ рассказы много бы разнились одинъ отъ другого и были бы наполнены ошибками и крупными противорѣчіями. Одинъ опустилъ бы наиболѣе важные походы Наполеона, другой перепуталъ бы историческія даты и т. д. Но при всѣхъ этихъ пробѣлахъ и неточностяхъ въ этихъ наивныхъ рассказахъ сохранилось бы одно, безспорно правдивое и истинное. Это—общій характеръ описываемаго героя, то впечатлѣніе, какое производила на окружающую среду личность полководца. Это же самое, по Ренану, наблюдается и въ Евангеліяхъ. Допуская противорѣчія относительно времени, мѣстъ, лицъ, считая ихъ неважными и несущественными, Евангелисты заботились только объ одномъ: поставить на видъ превосходство своего Учителя, Его чудеса и ученіе, все то, въ чемъ выразилась Его высокая и свѣтлая душа. Въ этомъ послѣднемъ всѣ они согласны. Частностямъ они не придавали значенія, были къ нимъ равнодушны. Въ этомъ отношеніи наши Евангелія, по мнѣнію Ренана, раздѣляютъ судьбу всѣхъ вообще источниковъ исторіи.

Можно сказать, что между бесѣдами, изрѣченіями знаменитыхъ мужей, переданными у лѣтописцевъ и историковъ, нѣтъ ни одного подлиннаго въ строгомъ смыслѣ слова. Два рассказа объ одномъ и томъ же событіи, составленные очевидцами—свидѣтелями, существенно различаются. Это и случилось съ Евангелистами. Къ личнымъ воспоминаніямъ о Христѣ очевидцевъ—апостоловъ необходимо примѣшались нѣкоторыя произвольныя идеи, прирадившіяся совнѣ, повліявшія на измѣненіе старыхъ рассказовъ и повлекшія за собой образованіе новыхъ. А послѣ смерти Хри-

ста, Его жизнь подверглась переработкѣ съ точки зрѣнія вѣры Его послѣдователей. У этихъ послѣднихъ родилась мысль не только сохранить образъ Учителя, но и доказать Его божественное и мессіанское достоинство.

Подъ вліяніемъ этой мысли многое изъ жизни Іисуса, что прежде казалось обычнымъ и естественнымъ, теперь пріобрѣтаетъ характеръ необычайности и чудесности и заносится на страницы Евангелія, какъ исполненіе ветхозавѣтныхъ пророчествъ. Все это, по мысли Ренана, понятно и естественно. Смерть, какъ извѣстно, усовершенствуетъ самаго несовершеннаго человѣка и дѣлаетъ его, по крайней мѣрѣ въ глазахъ тѣхъ, кто любилъ его, свободнымъ отъ нравственныхъ недостатковъ. „О мертвыхъ нужно говорить или хорошо, или ничего“, замѣчали древніе римляне, подчеркивая это преобразующее и возвышающее вліяніе смерти по отношенію къ памяти умершихъ. Ко всему этому историкъ долженъ относиться критически, уметь отличать зерно истины отъ позднѣйшихъ нарословъ и наслоеній и не приписывать документу не принадлежащаго ему историческаго характера и достовѣрнаго значенія.

Не нужно быть философомъ и присяжнымъ критикомъ, чтобы замѣтить, что всѣ эти разсужденія Ренана быють въ пустое мѣсто. Что въ Евангеліяхъ есть нѣкоторыя различія—это фактъ безспорный. Присутствіе ихъ въ Евангеліяхъ есть явленіе столько-же законное, какъ и необходимое.

Евангелія, различающіяся между собою въ подробностяхъ при описаніи нѣкоторыхъ событій, чрезъ это самое взаимно пополняютъ другъ друга и даютъ всѣ необходимыя данныя, изъ которыхъ слагается одинъ законченный, органически-совершенный разсказъ. Это не „разногласіе“, а „разнообразіе“.

Не будь въ Евангеліи этихъ различій, заключающихся не въ существенномъ, а въ подробностяхъ, это послужило бы въ рукахъ раціоналистовъ основаніемъ для отрицанія вообще полноты Евангельскихъ повѣствованій. Въ свое время св. Іоаннъ

Златоустъ прекрасно разъяснилъ этотъ пунктъ. „Духъ Святой, говоритъ онъ, пресѣкая заранѣе подозрѣніе относительно вымысла, допустилъ евангелистамъ сходно и согласно описать чудеса Спасителя, но при этомъ устроилъ, что одинъ изъ нихъ опускалъ одно, другой—другое, представляя въ этомъ очевидное доказательство того, что Евангелія написаны ими безъ дурного умысла, безъ приготовленія, не по соглашенію“.¹⁾ Нѣтъ основаній трактовать различія, встрѣчающіяся въ Евангеліяхъ, какъ противорѣчія, и дѣлать отсюда заключеніе о сбивчивости, разнорѣчивости и легендарности Евангельскихъ повѣствованій, какъ это дѣлаетъ Ренанъ.

Если возможны различныя точки зрѣнія на предметъ вообще, если богатая содержаніемъ жизнь такъ называемыхъ великихъ личностей не можетъ быть никогда исчерпана однимъ индивидуальнымъ сознаніемъ, одной біографической работой, то съ меньшимъ правомъ это слѣдуетъ сказать и объ апостолахъ въ ихъ отношеніи къ Божественной Личности Іисуса Христа. Съ другой стороны, внутренняя, психическая жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка носитъ на себѣ свой особый индивидуальный отпечатокъ, отличающій одну личность отъ всѣхъ остальныхъ.

Въ человѣческомъ мірѣ нельзя найти двухъ субъектовъ, одинаковыхъ и тождественныхъ по своей духовной организаціи. Каждый изъ насъ отражаетъ въ себѣ дѣйствительность примѣнительно къ своимъ личнымъ, индивидуальнымъ свойствамъ, природному складу своего ума, памяти, характера.

Каждый воспринимаетъ впечатлѣнія живой дѣйствительности „по своему“; каждый „по своему“ и отвѣчаетъ, реагируетъ на эти впечатлѣнія. Это основной и элементарный психическій законъ. То, что въ общемъ потокъ жизненныхъ впечатлѣній проходитъ безслѣднымъ и незамѣченнымъ для одного сознанія, то, напротивъ, у другого отмѣчается и закрѣпляется въ памяти особенно рельефно.

¹⁾ Сл. о четверодневномъ Лазарѣ, пер. С.И.Б. Д. А. т. II, кн. 2, стр. 687.

Древность сохранила намъ на этотъ счетъ два интересныхъ историческихъ документа. Личность Сократа, знаменитаго греческаго философа, извѣстна намъ въ двухъ описаніяхъ: Платона и Ксенофонта. Въ описаніи послѣдняго Сократъ является совершенно отличнымъ отъ того, какъ его изображаетъ Платонъ. Въ то время, когда Ксенофонтъ изображаетъ Сократа въ болѣе реальныхъ чертахъ, какъ практическаго философа-моралиста и гражданина, Платонъ рисуетъ его какъ глубокаго философа, отличающагося особенной глубиной и пріемами мышленія. Въ силу своей созерцательной натуры Платонъ болѣе всего замѣтилъ въ Сократѣ его способность къ глубокому умозрѣнію и на эту именно сторону его личности обратилъ свое вниманіе. Ксенофонтъ-же, напр., остановился на практической, внѣшней, сторонѣ жизни и личности Сократа и ее именно отмѣтилъ въ своемъ описаніи.

Спрашивается, можно-ли это различіе, простирающееся у Платона и Ксенофонта въ ихъ воззрѣніяхъ на Сократа, разсматривать, какъ противорѣчіе, какъ разногласіе и на этомъ основаніи отрицать историческое значеніе и достовѣрность ихъ повѣствованій, объявить ихъ легендарными, мифическими. По принципу Ренана можно, но по здоровой логикѣ это будетъ незаконно.

Только изъ совокупнаго сложенія обоихъ воззрѣній на Сократа мы получаемъ въ общемъ итогъ полный, законченный образъ этого философа, лучше и глубже постигаемъ его духовный обликъ, его душу, его фizioномію.

Это же самое приложимо и къ Евангелистамъ въ ихъ воззрѣніи на Личность Іисуса Христа. Всѣ они изображаютъ одну и ту же Божественную Личность Спасителя, всѣ высказываютъ одно и то же ученіе Христово. Но, сообразно индивидуальнымъ особенностямъ своего природнаго ума и характера, приспособительно къ нуждамъ и пониманію христіанъ,—дѣлаютъ это каждый со своей особой точки зрѣнія, съ опредѣленной стороны, въ рѣзко индивидуальной формѣ. Евангелистъ Маттеей, имѣя въ виду евреевъ, ожидавшихъ Мессію, и желая доказать предъ ними мессіанское

достоинство Иисуса Христа, въ своемъ Евангеліи обращаетъ вниманіе на исполненіе въ Немъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ. При чемъ, внѣшняя сторона жизни и дѣятельности Спасителя, особенно Его чудеса, обращаютъ на себя преимущественное вниманіе указанного Евангелиста, проходившаго, вмѣстѣ съ другими Апостолами, процессъ постепеннаго духовнаго возрастанія отъ чувственнаго и видимаго къ духовному и невидимому. Напротивъ, Евангелистъ Іоаннъ, имѣя въ виду эвѳонеевъ и другихъ еретиковъ, отрицавшихъ божество Иисуса Христа, съ особою силою и настойчивостію указываетъ на такія дѣйствія Христа, гдѣ ясно и ощутительно сказалось Его сверхъестественное могущество и посланничество. Съ другой стороны, сообразно созерцательному складу своей натуры, этотъ Евангелистъ высказываетъ ученіе, отличающееся особымъ отвлеченно-теоретическимъ характеромъ. Вообще, если мы поглубже вникнемъ въ книги Св. Писанія, то на каждой изъ нихъ увидимъ отпечатокъ индивидуальныхъ свойствъ писателей, чрезъ которыя, какъ чрезъ призму, отражалось божественное вдохновеніе.

Такъ порфиросный пророкъ Давидъ въ своей псалтири является съ мягкимъ и нѣжнымъ сердцемъ, съ гибкою симпатичною душею, способною подниматься до высочайшихъ предѣловъ подлинно-поэтическаго страстнаго воодушевленія. Это была отъ природы поэтическая душа, „рожденная для вдохновеній, для звуковъ сладкихъ и молитвъ“. Эти личныя свойства псалмопѣвца отражаются и въ его произведеніи. Всѣ псалмы проникнуты глубокимъ лиризмомъ богодухновеннаго еврейскаго поэта, во всѣхъ нихъ проходитъ мотивъ сильнаго и горячаго сердечнаго чувства.

Пророкъ Іеремія въ своихъ книгахъ является возбужденно чуткимъ меланхоликомъ съ рѣзко-выраженнымъ элегическимъ настроеніемъ. Пророкъ Іезекіиль — неземнымъ мистикомъ, у котораго всѣ мысли превращались въ образы и подобія. Пророкъ Даніиль выступаетъ въ своихъ твореніяхъ со взглядомъ государственнаго чловѣка.

Представленные примѣры достаточно ясно говорятъ о томъ, какимъ путемъ вошли въ Евангелія тѣ частности и подробности, и тѣ отличительныя особенности, какія въ нихъ замѣчаются и насколько это было необходимымъ, психологически понятнымъ и естественнымъ явленіемъ. Если руководиться правилами Ренана и всякое „различіе“ считать „противорѣчіемъ“, дающимъ право заподозрѣть тотъ или другой историческій источникъ въ легендарности, то намъ придется тогда зачеркнуть всю исторію; придется отрицать существованіе Сократа, Цезаря, Наполеона и т. д., ибо нѣтъ нигдѣ такихъ историческихъ документовъ, которые, какъ бы хорошо они ни были засвидѣтельствованы, были вездѣ и во всемъ разсказаны и записаны одинаково. „Даже очевидцы не могутъ разсказать одно и то же событіе одинаково“. Для рационализма это непонятно. Для Ренана это—камень преткновенія. Для всякаго безпристрастнаго человѣка это явленіе нормальное, ибо причины его коренятся въ глубинѣ психической организаціи человѣка, въ индивидуальномъ складѣ его сознанія, ума и характера.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Хр. Соболевъ.

(†) Первый Игуменъ Красноярскаго Знаменскаго общежительнаго мужского Скита о. Филаретъ.

Въ ночь на 22 ноября мѣсяца 1910 года тихо и мирно скончался основатель-строитель и первый игуменъ Красноярскаго Знаменскаго общежительнаго мужского Скита о. Филаретъ.

Происходя изъ крестьянъ Пековской губерніи, покойный прошелъ и на себѣ испыталъ всѣ тяжести военной службы Николаевскихъ временъ, продолжавшейся, какъ извѣстно, 25 лѣтъ.

Надо думать, что еще въ военной службѣ зародилась у покойнаго (въ мѣрѣ Θεодора Васильева) мысль объ исключительномъ служеніи Единому Богу и Его Пречистой Матери. И вотъ, видимъ мы его въ 1879 году уже въ чинѣ монашескомъ, въ предѣлахъ Енисейской Епархіи, задавшимся мыслию устроить обитель въ честь и славу Преславныхъ Владычицы міра, Ея Знаменской иконы, именуемой Абалакской, столь почитаемой на родинѣ о. Игумена — въ Новгородско-Псковскихъ предѣлахъ.

Не легкую задачу взялъ на себя тогда о. Филаретъ. Самъ онъ, окончивъ военную службу, не имѣлъ никакихъ средствъ къ тому, чтобы осуществить мысль, запавшую и въ умъ, и въ сердце его,—мысль основать и устроить обитель Богоматери, въ честь Ея Святыя иконы Знаменія. Но твердая вѣра о. Филарета въ помощь Божію въ его благомъ дѣлѣ, надежда его на милосердіе и ходатайство предъ Господомъ Матери Божіей, наконецъ, его даже любовь къ будущему дѣтищу-обители—это все превозмогло всѣ препятствія, и послѣ долгихъ хлопотъ и трудовъ Господь увѣнчалъ его труды: нашлись, наконецъ, добрые люди въ лицѣ купеческой семьи Матониныхъ, которые взяли на себя первоначальные расходы—по пріисканію мѣста для предполагаемой обители. Здѣсь кстати указать, съ какой заботливостью выбралъ о. Филаретъ это мѣсто. Остановившись на пунктѣ, который сейчасъ занять скитомъ, онъ со всѣхъ сторонъ, издали и вблизи осмотрѣлъ его; взбирался на окрестныя горы, чтобы взоромъ окинуть площадь будущей обители, изслѣдовалъ пригодность этой площади со всѣми ея почвенными видоизмѣненіями. И только тогда, когда признано было, что мѣсто вполне для обители пригодно, прекратилъ о. Филаретъ свои поиски.

Болѣе подходящаго мѣста для будущаго скита трудно было бы и подыскать. И вотъ, съ благословенія Преосвященнаго Енисейскаго Епископа Тихона (нынѣ Архіеписк. Иркутскаго) и съ помощью Божіей, положено было пачало и первый камень тому, что мы нынѣ называемъ Знаменскимъ Скитомъ.

Трудно перечислить всѣ труды, невзгоды и заботы, выпавшіе на долю почившаго Строителя. Но не палъ онъ духомъ. Отдавшись весь безъ остатка дѣлу устроенія обители, онъ не зналъ покоя и отдыха до тѣхъ поръ, пока не увидѣлъ на выбранномъ имъ мѣстѣ храма, въ честь Знаменія Божіей Матери устроеннаго, на удивленіе всѣмъ путешествующимъ по рѣкѣ Енисею и его берегамъ.

На пустынномъ и необитаемомъ мѣстѣ, вдали отъ жилыхъ мѣстъ, засіялъ вдругъ Крестъ Христовъ на Храмъ новостроящейся обители! А о. Филаретъ съ неослабѣвающей энергіей уже хлопоталъ объ устройствѣ жилыхъ помѣщеній для будущей братіи. Такъ постепенно, благодаря помощи добрыхъ людей, наипаче-же помощи и милости Божіей и благодаря заботамъ и трудамъ почившаго о. Игумена выросъ Знаменскій Мужской Скитъ. Выросъ онъ и продолжаетъ расти; помощь благотворителей, любящихъ благолѣпіе Дома Божія, не ослабѣваетъ; очевидная милость и благость Божія къ Скиту пребываетъ на немъ явственно и пребудетъ, вѣруемъ,—во вѣки, ибо Скитъ сей есть „домъ Божій и врата Небесныя“. Все это видно и подлежитъ вѣрѣ нашей.

Нѣтъ только нынѣ одного главнаго виновника—о. Филарета. Умеръ онъ, и, судя по человѣчеству, осиротѣлъ Скитъ. Но вѣдь усопшій поручилъ, несомнѣнно, дѣтище свое—свой Скитъ покрову и защитѣ Божіей Матери, и она, Всеблагая, и въ будущемъ не оставитъ селенія своего.

Покойному было около 80 лѣтъ, когда Господь призвалъ его. О. Филаретъ третью своей жизни положилъ на выполненіе завѣтной мечты своей и возможнаго въ предѣлахъ человѣческихъ достигъ. Память его,—перваго Игумена Скита и Строителя останется живою во все время, пока Скитъ стоитъ. И умеръ онъ въ этомъ-же Скиту, имъ созданномъ.

Незадолго до смерти покойный, чувствуя упадокъ силъ, все еще подбадривался, намѣревался пожить немного. Но въ книгѣ бытія человѣческаго о немъ уже былъ прописанъ исходъ его. Никто и не предвидѣлъ такого нежданнаго конца жизни его. Онъ

былъ предъ смертью бодръ для своихъ лѣтъ: ходилъ, гулилъ, вставалъ къ полунощницамъ, принималъ посѣтителей, и близкимъ къ нему людямъ не приходила въ голову даже мысль о скорой кончинѣ о. Игумена.

Всѣ видѣли его только снаружи, и по внѣшнему виду и состоянію его о немъ судили. А онъ, наблюдая жизнь своего Скита, видя все его внутреннее неблагоустройство и не имѣя уже силъ до конца выполнить взятое имъ на себя дѣло всесторонняго устроенія обители, глубоко скорбѣлъ и сокрушался объ этомъ, а по своей сердечной добротѣ не давалъ понять окружающимъ его, — насколько трудно ему и тяжело видѣть недостатки обители; видѣлъ и не могъ помочь, и такъ умеръ, предоставивъ своему замѣстителю и мѣсто, и время исполнить то, чего онъ сдѣлать не успѣлъ.

Почилъ онъ въ ночь на 22 ноября; по истинѣ почилъ — уснулъ. Даже не замѣтили бывшіе при немъ моментъ его исхода.

До третьяго дня читали около усопшаго Евангеліе, совершались панихиды — литіи, и, съ разрѣшенія власти, 24-го числа ноября отпѣли и предали землѣ прахъ о. Филарета.

Наканунъ была совершена заупокойная утренья, а въ день погребенія — литургія соборнѣ. Отпѣвали пять Іеромонаховъ съ двумя Іеродиаковами. Много народа изъ города и окрестныхъ селеній съѣхались проводить усопшаго. На литургіи вмѣсто причастнаго стиха сказано было, съ благословенія Настоятеля о. Митрофана, прочувствованное слово, у многихъ вызвавшее искреннія слезы.

Всѣ присутствовавшіе послѣ погребенія были приглашены въ Трапезу помянуть почившаго. Миръ и вѣчная память его истинно-христіанской душѣ!

Іеромонахъ *Митрофанъ*.

Слово при погребеніи о. Игумена Филарета.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

„Почто о мнѣ плачете, о человѣцы? почто все мятетеся? преставленный всѣмъ провѣщааетъ: смерть бо есть всѣмъ упокоеніе. Отнюду-же гласъ Іова услышимъ, глаголюща: „смерть мужу покой есть“ (изъ священническаго погребенія).

Совершилась воля Божія о приснопамятномъ отцѣ нашемъ Игуменѣ Филаретѣ и о насъ, братіе и знаеміи почившаго; этою всемогущею волею, какъ вѣруемъ, всеблагою и премудрою, полагающею всѣмъ намъ предѣлъ жизни, коего никто изъ насъ не преидеть, этою волею взять отъ насъ нашъ о. Игумень и нынѣ преданъ будетъ общей всему роду человѣческому матери землѣ до будущаго славнаго нашего воскресенія. Взялъ его отъ насъ Господь: „угодна бо-бѣ Богови душа его“.

Искренне, отъ сердца, скорбимъ мы о тебѣ, почившій о. Игумень! Мы сожалѣемъ отъ души о кончинѣ твоей, полагая и разсуждая по человѣчеству, что ты могъ-бы еще пожить и поработать на пользу общую и въ утѣшеніе всѣхъ знавшихъ тебя. Но въ нашей сердечной печали мы устремляемъ умныя очи сердца нашего туда, къ престолу Вседержителя, и Его велѣніямъ покорно подчиняемъ желанія наши—въ твердой увѣренности, что въ волю Господа и Его рукахъ—наша жизнь и наша смерть.

Оттуда, свыше въ приведенныхъ выше словахъ слышимъ гласъ Божій, вѣдающій намъ „смерть мужу покой есть“.

Цѣлую четверть вѣка житія своего на землѣ и треть всей своей многотрудной жизни посвятилъ почившій о. Филаретъ на служеніе Господу и его Пречистой Матери.

Сей святой храмъ, въ коемъ мы сейчасъ собрались отдать послѣдній долгъ скончавшемуся, весь этотъ Знаменскій Скитъ, въ которомъ около 25 лѣтъ жилъ, трудился, переносилъ всевозможныя

невзгоды, печали, заботы и болѣзни и, наконецъ, умеръ о. Игуменъ, почти все собравшіяся нынѣ около его гроба лица—его питомцы—вскормленники,—все это вмѣстѣ взятое составляетъ добрый плодъ его трудовъ, благой результатъ его дѣтски простой вѣры христіанской, твердой надежды и пламенѣющей любви его къ Богу. Вездѣ и всюду здѣсь видны признаки и слѣды этихъ основныхъ и высокихъ свойствъ души усопшаго.

Что могло на семъ, во время оно пустынномъ и необитаемомъ мѣстѣ воздвигнуть Храмъ Божій и обитель въ честь Богоматери, какъ не твердая, непоколебимая вѣра о. Игумена въ Творца и Промыслителя міра! Чѣмъ, какъ не горячей любовію къ Богу и ближнему, руководился почившій, выбирая сіе мѣсто, ставшее нынѣ религіознымъ и просвѣтительнымъ центромъ не для ближней только округи, ибо свѣтъ вѣры изъ сего св. мѣста свѣтитъ и вблизи, и вдали сущимъ братьямъ нашимъ, всемъ во тьмѣ и власти грѣха находящимся.

Окрыляемый надеждой на милость Божию и получая эту помощь и милость (ибо христіанская надежда не посрамитъ), все это сдѣлалъ онъ, нашъ, котораго мы видимъ сейчасъ недвижимо—лежаща въ гробѣ.

Мы не беремъ на себя задачи перечислять все труды его: это дѣло того, кто будетъ писать исторію монастыря, но мы видимъ плоды трудовъ его, результаты его дѣятельной любви къ Богу и ближнему, въ основанной и устроенной имъ обители. Довольно для насъ этого; достаточно для насъ вполне того сознанія, что покойный труженикъ на нивѣ Божіей, о. Филаретъ, посадилъ сѣмя Христово на землѣ доброй, что сѣмя это дало уже благій плодъ, который со временемъ молитвами Нашей Небесной Покровительницы увеличится сторицею. А трудовъ этотъ лежащій предъ нами въ гробѣ съятель понесъ много и паки много; трудовъ неустанныхъ и постоянныхъ заботъ, которые могли сократить крѣпкое здоровье челоука, ослабить его энергію и внимательность и привести его къ смертному покою. За эти труды почившаго—слава и благодареніе

отъ насъ Богу, Который далъ ему силу понести тяжкое бремя, — и вмѣстѣ слава и честь въ роды родовъ почившему о. Игумену! Отдохни, почивай отъ многихъ трудовъ твоихъ, преспомятнѣйшій отецъ нашъ! Владычица міра, Коей ты такъ усердно всегда молился, Которую избралъ защитницей обители своей, для прославленія имени Коей и Ея Сына ты трудился, — Она уготовитъ тебѣ мѣсто въ райскихъ обителяхъ.

Мы видимъ, братіе, что гробъ умершаго окруженъ обществомъ людей разнаго пола, положенія, состоянія, возрастовъ и несвязанныхъ съ нимъ никакими особыми дѣлами и отношеніями. Чѣмъ объяснить это? Да тѣмъ только, что покойный, кромѣ своего природнаго, глубокаго и практически развитаго ума, обладалъ еще и привлекательно-мягкимъ, добрымъ характеромъ. Онъ былъ всегда прямодушенъ и искрененъ, — ко всѣмъ благорасположенъ и любвеобиленъ, для малыхъ и юныхъ являлся онъ отцомъ, къ людямъ уже пожившимъ онъ относился, какъ другъ и какъ старшій братъ и всѣмъ, бывавшимъ у него въ домѣ, былъ онъ привѣтливымъ и радушнымъ хозяиномъ.

И никогда онъ не тяготился иной разъ и многочисленными посѣтителями, никогда не жаловался. Эти-то черты характера его и способствовали расширенію круга его знакомыхъ, каковое знакомство сослужило большую пользу его дѣтищу-скиту и очень малую ему самому лично. Низкій поклонъ тебѣ, упокоившійся въ Божѣ отецъ нашъ, ото всѣхъ, знавшихъ и почитавшихъ тебя, окружающихъ гробъ твой и со скорбью помышляющихъ, — насколько трудно было дѣло жизни твоей и какъ, по этой причинѣ, затруднительно замѣстить тебя, толикіе годы трудившагося надъ созиданіемъ сей, пока еще юной обители, и на своемъ посту, какъ стражъ сей обители, умершаго. Еще живу ти сушу, трудился ты, нынѣ же покойся въ вышнемъ мірѣ и покоѣ: ты заслужилъ ихъ любовію къ Богу и добротою къ людямъ. Кто изъ насъ не знаетъ, какимъ любящимъ, заботливымъ, преданнымъ дѣлу благоустроенія сей обители былъ почившій!.. Кто не дивился его христіанскому

терпѣнію и кротости, его сердечной добротѣ, кои онъ проявлялъ до послѣднихъ дней житія своего! Сколько незаслуженныхъ огорченій, оскорбленій, бросаемыхъ прямо въ лицо, терпѣливо и со смиреніемъ перенесъ о. Филаретъ отъ людей, близко къ нему стоявшихъ, но жалкихъ и убогихъ въ нравственномъ и умственномъ отношеніи.... Богъ имъ судья! Но всѣ мы, бывшіе около почившаго, болѣе или менѣе виновны въ томъ, что не поберегли нашего старца и такъ мало думали о томъ, что ему, о. Филарету, при старческой его слабости необходимъ покой. Не мы-ли въ самомъ дѣлѣ виноваты въ томъ, что осиротѣлъ нашъ скитъ, что взялъ отъ насъ къ Себѣ Господь угоднаго Ему человѣка, строителя и главу основанной имъ обители!?

Понятны отсюда и слезы—не горя, а умиленія, проливаемые у гроба его, и эта тихая печаль всѣхъ, видящихъ предъ собою неподвижные, мертвенные останки еще недавно живого и мыслившаго о. Филарета. Несомнѣнно, много разъ еще придется намъ вспомнить почившаго и его заботы о насъ. Для него-же самого теперь всѣ заботы земныя кончены: „смерть мужу покой есть.“

Совершилась, повторяю, воля Божія о приснопамятномъ о. Игуменѣ Филаретѣ; „любитель добраго дѣланія,“ онъ въ Бозѣ успокоился отъ всѣхъ дѣлъ, трудовъ и заботъ человѣческихъ. А мы, грѣшные и немощные, остались еще здѣсь, въ этой земной юдоли горя, печали и страданій, оплакивать его и молиться о немъ. Не устыдимся-же слезъ нашихъ и отъ благожелательнаго къ почившему сердца усердно помолимся, да упокоитъ его Господь отъ трудовъ и заботъ здѣшней жизни со святыми въ селеніяхъ праведныхъ, презирая содѣянные имъ грѣхи вольные и невольные, и да умолитъ за него Господа, Сына Своего, Пречистая Богоматерь, для прославленія имени Коей жилъ, трудился въ семь дѣлъ и отошелъ къ Богу почившій христіанинъ—монахъ—истинный сынъ родной Русской земли и Божій человѣкъ.

Священникъ *Гр. Тороповъ.*

Открытое письмо учащимъ церковно-приходскихъ школъ Красноярскаго и Канскаго уѣздовъ.

Почти за два года своей службы въ должности Уѣзднаго Наблюдателя школъ мнѣ пришлось достаточно ознакомиться съ церковно-приходскими школами Красноярскаго и Канскаго уѣздовъ. За это время мнѣ пришлось стать лицомъ къ лицу съ жизнью этихъ школъ, съ той жизнью, какая можетъ быть стороннему человѣку, случайному ихъ посѣтителю, остается непримѣтной. Даже скажу, что содержаніе этой школьной жизни не попадаетъ и въ официальные отчеты о школахъ, такъ какъ это не принято... Для всякихъ школьных отчетовъ существуетъ программа. Эта жизнь школы усваивается только при личномъ, непосредственномъ и при самомъ тѣсномъ, непринужденномъ общеніи съ ней, съ ея обитателями. Бывало, посѣтишь школу, отмѣтишь все, что нужно и въ результатѣ все хорошо—виденъ трудъ учащаго, его усердіе, замѣтна даже иногда и обезпеченность школы всѣмъ необходимымъ, слѣдовательно, для отчета готовы свѣдѣнія благопріятныя и утѣшительныя, но однако на душѣ чувствуется какой-то горькій осадокъ, чувствуется въ работѣ учащаго какая то неустойчивость на своемъ положеніи, растерянность, стѣсненность... кажется, что учащій школы въ своей работѣ идетъ не тѣмъ путемъ, какой ему должно-бы указывать собственное его сознаніе, его священный долгъ, его обязанность „воспитать“ новое поколѣніе людей... Въ работѣ учащаго не замѣтно его личности, его инициативы, теплоты, сердечности отношеній къ дорогому для него дѣлу,--- нѣтъ, все у него поглощено требованіемъ учебной программы, объемомъ учебниковъ—Чельцова, Некрасова, Одинцова, Бого-явленскаго, Гольденберга и т. п. Всѣ когда-то (при вступленіи на поприще школьной работы) святые порывы своей души внести въ жизнь школы, ея малышей, наконецъ, въ среду взрослого населенія свѣжую струю просвѣтительныхъ знаній и стать руководителемъ на пути къ нравственному перевоспитанію, иногда

столь невѣжественнаго и темпаго люда, теперь принесены въ жертву только формальному выполнению своихъ обязанностей.

Правда, и формальное выполнение своихъ обязанностей поглощаетъ у учащаго иногда все дорогое время, и вотъ отсюда начинается жизненная драма въ душѣ учащаго,—его преждевременное уныніе, упадокъ энергіи, мрачность, подавленность въ настроеніи, и все это оттого, думаетъ ослабѣвшій школьный труженикъ, что „предполагалъ сдѣлать одно, а въ дѣйствительности вышло другое“, хотѣлъ быть свѣточемъ въ темнотѣ народной жизни, а пришлось только тускло горѣть на ея небосклонѣ, рискуя совсѣмъ погаснуть въ непосильной борьбѣ за то, что дѣлѣялъ прежде...

Однако мнѣ сейчасъ, когда приходится подводить итоги своихъ впечатлѣній за двухгодичное общеніе съ учащими церковно-приходскихъ школъ, желательно сказать труженикамъ церковной школы одно: „не унывайте, друзья, преждевременно!.. Унывать подъ бременъ жизни не вамъ однимъ приходится, но суть все-таки въ борьбѣ со всеми преградами жизни; вѣдь вашъ долгъ, обязанность—быть руководителями, а не быть подавленными, затертыми на распутіяхъ жизни... Ни за кѣмъ, какъ только за Вами, долгъ и право по возможности раздвигать рамки школьной жизни, имѣя въ этомъ ту единственную цѣль, чтобы ваша школа своимъ вліяніемъ охватывала все существо своего питомца—его умъ, сердце и волю. Замѣните вашему питомцу, бѣдному духовно и тѣлесно, любящихъ отца и мать, обогрѣйте его, заставьте его забыть тѣ скорби, съ которыми, можетъ быть, ему, при его тяжелыхъ условіяхъ жизни, пришлось уже ознакомиться; теплотою своихъ чувствъ къ нему постарайтесь заживить эти преждевременныя раны дѣтской души, заставьте его полюбить жизнь, полюбить людей и бодро смотрѣть въ свое будущее!.. Я повторяю, что въ этомъ только вамъ нѣтъ помощниковъ въ окружающихъ Васъ въ селѣ людяхъ,—это, т. е., воспитать своего питомца можете только вы одни и больше никто...

Пусть формальный режим въ школѣ имѣетъ свое мѣсто, пусть и учебники имѣютъ свое назначеніе,—но къ этому еще долженъ-быть большой плюсъ—это воспитаніе въ каждомъ питомцѣ школы „человѣка“ со всѣми присущими ему достоинствами.

Въ достиженіи этой цѣли вамъ ничто не помѣшаетъ, а то, какимъ образомъ все это достигнуть, вамъ подскажетъ Ваше любящее школу сердце.

Такая работа отгонитъ и ваше уныніе. Да поможетъ Вамъ Богъ!

Бывшій Наблюдатель школъ Красноярскаго и Канскаго Уѣздовъ, Священникъ *Иннокентій Орфеевъ*.

1-го декабря 1910 года.

К о р р е с п о н д е н ц і я .

6 декабря 1910 съ разрѣшенія начальства. учащимися Шелоболинской двухклассной церковно-приходской школы, подъ управленіемъ діакона, учителя Виктора Мокѣева, данъ былъ концертъ, сборъ съ котораго поступилъ въ пользу школы. Устройство концерта учащимися сельской школы явленіе, если не исключительное, то во всякомъ случаѣ весьма рѣдкое въ жизни школъ вообще. Большое свѣтлое школьное помѣщеніе все утопало въ зелени и было украшено искусственными цвѣтами. На зеленомъ фонѣ арки, отдѣляющей сцену отъ зрительнаго зала, большими бѣлыми буквами былъ начертанъ девизъ: „Дай тебѣ Богъ, наша школа родная, силъ и терпѣнья на подвигъ святой“.

При большомъ стеченіи публики концертъ былъ открытъ народнымъ гимномъ, который былъ исполненъ торжественно и мощно. Затѣмъ началось исполненіе такихъ прекрасныхъ церковныхъ пѣснопѣній, какъ-то: „Великое славословіе“, муз. Теофанова, „Разбойника благоразумнаго“, муз. Лисицына, „Се женихъ грядетъ въ полу-

ноши“, муз. Бахметьева, „Свѣте тихій“, муз. Дворецкаго, „Да исправится молитва моя“, муз. Бортнянскаго и свѣтскіе помера: тріо— „На сѣверѣ дикомъ“, муз. Даргомыжскаго, „Легенда“, муз. Чайковскаго, „Бѣлѣтъ парусъ“, муз. Глинки и „Слети къ намъ, тихій вечеръ“, муз. Мендельсона. Въ заключеніе была поставлена живая картина изъ библейской исторіи. Концертъ прошелъ весьма удачно, исполненіе было прекрасное; такіе номера, какъ Разбойника благоразумнаго, Легенда и на Сѣверѣ дикомъ, своимъ исполненіемъ произвели глубокое впечатлѣніе. Пѣніе плавно и торжественно, какъ величавый рокоть отдаленнаго морского прибоя, несло съ эстрады. Было грустно и вмѣстѣ отрадно, хотѣлось плакать о чемъ-то... хотѣлось отдать всю жизнь свою въ жертву святому дѣлу просвѣщенія. Надо было видѣть, какъ радостно и вдохновенно пѣли эти счастливыя дѣтскія личики, какъ не по-дѣтски серьезно держали они себя. Это настроеніе передавалось и взрослымъ. Чувствовалось, что здѣсь духовная жизнь школьника пышно расцвѣла и развивалась, вдохнувъ въ сердца свѣжесть и ароматъ новой благодатной жизни... Центромъ этой кипучей, пышно расцвѣтшей духовной дѣятельности является школа, которая не даетъ умереть душѣ, окаменѣть сердцу. Не удивительно поэтому, что въ антракты намъ приходилось слышать разсужденія присутствующей публики о безусловно огромной исторической роли церковной школы, этой родоначальницы истинно-народной великой будущей русской школы. Кончился концертъ, но публика еще и еще разъ просила повторить нѣкоторые номера концерта. И дѣти снова пѣли...

Псаломщикъ *Александръ Быстровъ*.

Редакторъ *А. Богдановъ*.

Печатать разрѣшается. Цензоръ, Ректоръ Дух. Сем., прот. *Н. Асташевскій*.

Тип. *М. И. Абалакова*.